

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
«РОЖДЕСТВЕНСКИЕ АГОНЫ – XII»
ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД, 1–4 НОЯБРЯ, 2024

СОФИЯ ДМИТРИЕВНА АЛЕКСИНСКАЯ. *О фригийском происхождении греческих эпиграфических формул Малой Азии*

В рамках доклада планируется осветить процессы проникновения фригийских эпиграфических формул в формульную структуру греческих погребальных надписей Малой Азии.

При рассмотрении двуязычных греко-фригийских погребальных надписей I–III вв. н.э. обнаруживается ряд случаев, в которых формульное проклятие на фригийском языке дополняется его переводом на греческий, т.е. происходит межсентенциональное переключение языкового кода, говорящее о высоком уровне владения автором обоими языками. Синхронный анализ языка данных билингвальных надписей и современных им надписей, использующих выделенные формулы и выполненных полностью на греческом языке, позволяет делать выводы о том, что языком-донором в данном случае являлся именно фригийский язык, а распространение сложившихся в билингвальной греко-фригийской среде формул по территории всей Малой Азии может быть объяснено изменением статуса фригийского языка в рассматриваемую эпоху.

В рамках доклада будут рассмотрены два типа формульных греческих проклятий, направленных против грабителей могил: западно-фригийские и восточно-фригийские, получившие в литературе название по территории своего распространения. Нами будут приведены аргументы в пользу их генетической связи с памятниками фригийского языка.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ АНТОНОВ. *Благородные эвергеты или жадные олигархи – кем были выдающиеся граждане эллинистических полисов?*

В историографии существуют два противоречивых мнения относительно эвергетов эпохи эллинизма. Первую выражает Поль Вен, согласно которому эвергеты были богаче всех остальных граждан своих полисов вместе взятых и от их богатства полисы всецело зависели. Вторую выражает Теофиль Готье, согласно которому не следует преувеличивать роль эвергетов – финансы полисов были вечно

в беспорядке, резервного фонда зачастую не было, и помощь эвергетов была важна, но ситуативна.

На основании почётных декретов из Приены в честь братьев Мосхона и Афинополида, и других эпиграфических источников, в докладе показаны богатство их семьи, семейные связи в системе государственного управления, делается предположение о возможно корыстной подоплёке их деятельности. Также делается сравнение денежных сумм Мосхиона и Афинополида, потраченных на помощь полису, со средним доходом в греческих полисах в эту эпоху – с одной стороны, и с суммами царской благотворительности – с другой. Такое сравнение показывает, что богатство Мосхиона и Афинополида превосходило состояние среднестатистических сограждан, но не на порядок, и значительно уступало состоянию царей.

Этот пример (довольно уникальный ввиду редкой подробности источников и их количества) является частным и не в коем случае не относится ко всем эвергетам эпохи эллинизма. Однако он позволяет по аналогии судить о мотивации, состоянии, социальном положении части полисной элиты эллинистического полиса.

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ АПЕНКО. *Когда умер «Генерал-Нектанеб»? К вопросу об этническом составе элиты в правление первых Птолемеев*

Для современных исследователей проблема межэтнического взаимодействия в Египте Птолемеев остается одной из важнейших при изучении Египта этой эпохи. В последнее время особенную популярность получила идея о том, что египтяне оказались встроены в элиту нового царства и даже занимали важные административные посты в нем. Одним из важнейших примеров этому тезису служит т.н. «Генерал-Нектанеб», внук царя XXX династии Нектанеба I и обладатель нескольких титулов, которые можно расценить как должность номарха. Между тем, ответ на вопрос, насколько корректно относить данные по «Генералу-Нектанебу» к эпохе Птолемеев, далеко не очевиден. В нашем докладе мы бы хотели рассмотреть автобиографический текст на саркофаге этого деятеля, чтобы предложить свою датировку его смерти, а также оценить какое значение это имеет для оценки этнического состава элиты царства Птолемеев в конце IV – начале III в. до н.э.

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА БУГАЕВА. *Марк Сергей Сил: история одной болезни*

Героем доклада является прадед Луция Сергия Катилины – претор 197 г. до н.э., человек, которого Плиний Старший считал самым доблестным из римлян (Plin. NH. VII, 104). Этой оценкой Сил был обязан своему мужеству: потеряв во вторую военную кампанию правую руку, он научился сражаться левой и продолжил военную службу как всадник, одержав несколько побед в Галлии. О его деяниях повествуют «Естественная история», сочинения Солина и Аммиана Марцеллина; сохранилось большое количество серебряных монет, на которых Сил изображен верхом на коне, держа в левой длани меч и отрубленную косматую голову варвара.

Согласно Плинию, взамен утраченной конечности Сергей пользовался специально изготовленной железной рукой (*dextram sibi ferream fecit*) (Plin. NH. VII, 105). Античный автор ничего не говорит, как она выглядела и можно ли – хотя бы отдаленно – соотнести ее с современным протезом. Монета также не дает об этом представления, поскольку гравер не показал, каким образом щит крепился к правой стороне тела. В результате в научной литературе существуют различные мнения, вплоть до крайнего скепсиса и отрицания историчности Сергия Сила. С другой стороны, имеется обширная, мало задействованная для решения проблемы, библиография о технике протезирования в древнем мире (начиная от Египта и заканчивая знаменитой капуанской ногой III в. до н.э.).

Другим дискуссионным вопросом является преодоление Сергием сопротивления коллег-преторов, сделавших попытку отстранить его от общественных жертвоприношений, поскольку он должен был совершать обряды левой рукой. Молчание Плиния допускает различную трактовку, в зависимости от нее по-разному дается ответ на вопрос о жесткости религиозных ограничений в древнем Риме и ритуальной чистоте участников священнодействий – как жрецов, так и магистратов.

История Сергия Сила стала одной из базовых для западных ученых, занимающихся проблемой интеграции инвалидов в римский социум. Обращается внимание на расхождение между официальной идеологией и практикой, допускавшей другое отношение к искалеченным воинам. При отсутствии ясности деталей «истории

болезни» прадеда Катилины и исхода спора между преторами 197 г. до н.э. повторное обращение к этому сюжету выглядит оправданным.

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА БУЗУРНЮК. *Женские голоса античных мифов: особенности рецепции в романах Урсулы Ле Гуин, Мадлен Миллер и Дженнифер Сэйт*

Античные мифы в первые десятилетия XXI века стали источником для многочисленных ретеллингов в англоязычной литературе, и особенное внимание было приковано к женским фигурам: к их происхождению, судьбе и специфическому опыту. Однако античные тексты, будь то поэмы, трагедии или сборники мифографов, зачастую не дают читателю полное представление о судьбах греческих женщин — богинь, нимф, цариц и царских дочерей, которые остаются на периферии мифологического повествования, — поэтому литераторы стремятся восполнить лакуны. Доклад будет посвящён обзору подходов к работе с античными памятниками и способов разворачивания скурых сведений мифа в полноценный психологический роман, которые используют современные писательницы при художественной интерпретации античной литературы. Обзор будет сделан на основе романов трёх писательниц: «Лавиния» (2008) Урсулы Ле Гуин, «Цирцея» (2018) Мадлен Миллер, «Ариадна» (2021) и «Электра» (2024) Дженнифер Сэйт. В этих текстах писательницы показывают судьбы своих героинь, переосмысляя роль и быт женщин прошлого на стыке истории и мифа и стремясь через обращение к античному наследию найти ответы на те вопросы, которые волнуют читателей и читательниц сегодня.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ ВОСКРЕСЕНСКИЙ. *Οἱ τὸν Βόσπορον ἔχοντες (Strabo XI, 2, 12) и проблема обозначения правителей у Страбона*

В XI, 2, 12, завершая описание пиратского хозяйства ахеев, зигов и гениохов, Страбон сообщает: «... Предпринимая походы на камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь страну или город, они властвуют на море. Бывает, что и οἱ τὸν Βόσπορον ἔχοντες оказывают [им] содействие, предоставляя якорные стоянки и рынки для сбыта награбленного»¹.

---

¹ Перевод сделан в рамках семинара «Античная литературная традиция об истории Восточной Европы: читаем Страбона» в «Лаборатории ненужных вещей» под руководством Л.И. Грацианской и А.В. Подосинова.

Словосочетание οἱ τὸν Βόσπορον ἔχοντες, которое употребил здесь Страбон, совсем не так прозрачно, как может показаться на первый взгляд, если исходить из основного значения глагола ἔχω – «иметь», «владеть». Неоднозначность понимания данного словосочетания отражает расхождение в различных его переводах. В русских переводах мы встречаем: «жители Боспора» (Ф.Г. Мищенко и Г.А. Стратановский), «владельцы Боспора» (П.И. Прозоров), “those who hold the Bosphorus” (H.L. Jones), “those who occupy the Bosphorus” (H.C. Hamilton, W. Falconer), “les dynastes du Bosphore” (F. Lasserre), “die Bewohner des Bosphoros” (S. Radt). Таким образом, мы видим довольно чётко две основные трактовки этого словосочетания: «правители Боспора», по всей видимости, цари, или «жители Боспора», т. е. представители рядового населения боспорских городов. Казалось бы, раз сказано ἔχοντες, речь должна идти о правителях, однако это вовсе необязательно так. Например, в IV, 1, 11 Страбон пишет οἱ δ' ἐπιφανέστατοι τὴν Οὐίενναν ἔχοντες – «самые знатные жители Виенны». В VI, 1, 2, говоря о народе левканцев, он употребляет словосочетание οἱ δὲ τὴν μεσόγαιαν ἔχοντες – «те, кто занимает внутренние области» (перевод Г.А. Стратановского). Подобных примеров в «Географии» ещё много. Понятно, что *населять* какую-то землю и значит её *владеть*, однако мы видим, что этого слово необязательно должны быть чёткие государственно-управленческие коннотации. Кроме того для обозначения боспорских правителей Страбон использует массу других терминов: τοῦ Βοσπόρου βασιλέων (VII, 3, 8), τοῖς τῶν Βοσπορανῶν βασιλεῦσιν (VII, 4, 7), τοῦ Βοσπόρου δυνάσται (VII, 4, 3; VII, 4, 5; XI, 2, 10), οἱ τῶν Βοσπορανῶν ἡγεμόνες (XI, 2, 11). На то, что в комментируемом фрагменте речь не идёт о правителях Боспора, косвенно указывает тот факт, что ниже в этом же параграфе Страбон употребляет слова δυναστεύω и ἡγεμόνες, когда говорит именно о правителях: ἐν μὲν οὖν τοῖς δυναστευομένοις τόποις ἐστὶ τις βοήθεια ἐκ τῶν ἡγεμόνων τοῖς ἀδικουμένοις; «В местностях, где есть власть династов, потерпевшим приходит еще кое-какая помощь от властителей». Правда, есть случай, когда, употребляя то же словосочетание οἱ τὸν Βόσπορον ἔχοντες более вероятно имеет в виду именно правителей Боспора: ἐπὶ δὲ τῷ ποταμῷ καὶ τῇ λίμνῃ πόλις ὁμώνυμος οἰκεῖται Τάναϊς, κτίσμα τῶν τὸν Βόσπορον ἐχόντων Ἑλλήνων: «Около этой реки и озера расположен одноименный город Танаис, основанный эллинами, владеющими Боспором» (XI, 2, 3). Хотя

не исключено, что и здесь речь идёт просто о выходцах с Боспора, а не о его правителях.

Попытке прояснить значение словосочетания οἱ τὸν Βόσπορον ἔχοντες у Страбона и сравнению его словоупотребления с другими авторами и будет посвящён настоящий доклад.

ОЛЕГ ЛЕОНИДОВИЧ ГАБЕЛКО. *Никандр Халкедонский – забытый историк Вифинского царства? Комментирование несохранившихся текстов как средство решения исторических задач (около)филологическими методами*

Афиной в «Пирующих мудрецах» дважды ссылается на некоего Никандра Халкедонского как автора произведений «Злоключения Пруссия» (XI. 496 d-e) и «Перипетии» (XIII. 606 b-c) (Nicandr. FGrHist 700. F 1-2). Больше никакой информации в виде прямых упоминаний об этом писателе не сохранилось. Тематика его произведений, представленная в данных фрагментах – эпизоды из придворно-застольной жизни Вифинии при царях Пруссии (II, ок. 182-149 гг. до н.э.) и Никоমেде (либо II, 149- ок. 129, либо, как удастся показать, с большей вероятностью - III, ок. 129 – ок. 95 гг. до н.э.), в том числе связанные с «анималистическими» сюжетами. Их анализ в сопоставлении с данными других источников позволяет сделать определенные предположения. Во-1-х, могут быть уточнены время и обстоятельства жизни Никандра, причем наиболее примечательным следует считать его предположительное пребывание при царском дворе в Никомедии на рубеже II-I вв. до н.э. (согласно недавней гипотезе Л. Паганони). Во-2-х, именно его произведения с большой степенью вероятности послужили основой для четырех свидетельств других авторов, прежде не считавшихся связанными между собой ничем, кроме собственно вифинской проблематики: Plin. NH. VIII. 144 (о Никоমেде I); VIII. 65 (о Никомеде III); App. Mithr. 2 и Suid. s.v. Θηρία (о Пруссии II). Будучи рассмотрены в комплексе (и, разумеется, опять-таки в сочетании с другими данными письменной традиции, создающими необходимый контекст), эти сообщения могут поведать немало нового о политической и династической истории Вифинии, культурной политике ее правящего дома, особенностях развития эллинистического историописания, придворной историографии и литературы в целом.

ВАРВАРА МАКСИМОВНА ГЕРЬ. *К вопросу о местонахождении копьеохранилища (ἡ δουροδόκη) во дворце Одиссея и его устройстве*

Гостеприимство (ἡ ξενία) как форма общественных отношений уходит корнями в индоевропейскую древность, имея в своей основе договор о взаимных обязательствах. Ξενία играет в гомеровском обществе жизненно важную роль, так как обеспечивает защиту за пределами родины, предполагая взаимное доверие, культурную память и неявный символизм. Принимая гостя (ὁ ξένος), герои «Одиссеи» строго соблюдают последовательность обрядов, а создатель поэмы часто вставляет в их речи суждения о том, как подобает, с одной стороны, принимать гостя, с другой стороны, - относиться к хозяину дома.

Поздоровавшись с чужестранцем, хозяин, прежде чем ввести его в свой дом и тем самым перевести в статус ξένος, забирает у него оружие (см. Hom. Od. 1.121, 16.40; то же самое в 15.282, только роль Телемахова дома играет корабль). В чужой дом не входили с оружием даже дерзкие женихи Пенелопы, существенно облегчив тем самым задачу для Одиссея.

Копье гостя хозяин ставит в копьеохранилище (ἡ δουροδόκη):

«οἱ δ' ὅτε δὴ ῥ' ἔντοσθεν ἔσαν δόμου ὑψηλοῖο,
ἔγχος μὲν ῥ' ἔστησε φέρων πρὸς κίονα μακρὴν
δουροδόκης ἔντοσθεν ἐυξόου...» (Hom. Od. 1.126-128)

«После того как вошли они в дом Одиссеев высокий,
Гостя копье он к высокой колонне понес и поставил
В копьеохранилище гладкое...» (перевод В. В. Вересаева)

У исследователей нет единой точки зрения на то, как было копьеохранилище устроено и где находилось. Некоторые исследователи считают, что оно располагалось перед входом в мегарон, около одной из колонн, формирующих πρόθυρον (Homer's Odyssey. W. Walter Merry. James Riddell. D. V. Monro. Oxford. Clarendon Press. 1886-1901), другие – что δουροδόκη находилось внутри мегарона. Не совсем понятно, как оно было устроено: то ли копья ставили в отдельную деревянную конструкцию рядом с колонной, то ли в желобки самой колонны, обвитой обручем, которым фиксировалось древко.

Поскольку стих 17.29 полностью повторяет стих 1.127, можно предположить, что описана одна и та же ситуация: Телемах входит в дом и приставляет копье к колонне, вокруг которой устроено

копьеохранилище. В пользу этого предположения о внешнем виде *δουρόβκη* говорит отсутствие его упоминания в 17.28-30: это значит, что колонна была стержнем копьеохранилища, а «поставить копье у колонны» - то же самое, что «поставить копье у колонны в копьеохранилище».

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА ГОРЕЛОВА. *Демон угаллу: его характеристики, функции, особенности иконографии*

В месопотамской религии, как и в большинстве религий мира, существовала вера в различных сверхъестественных существ, которые занимали промежуточное положение между богами и людьми. В русскоязычной ассириологической традиции они называются «духами» или «демонами». Злые духи и демоны редко изображались в искусстве, возможно, потому что считалось, что их изображения могут представлять опасность для людей. Добрые духи изображались чаще. Духи и демоны часто представлялись в виде гибридных существ, то есть помеси двух или даже трех разных живых существ. Одним из самых частых составляющих гибридных мифических животных был лев. Одним из демонов, наделенных выраженными львиными чертами, был угаллу (*ugallu*) - демон грозы с головой льва и лапами птицы. Его изображения встречаются на барельефах и защитных амулетах, а в текстах мы находим упоминания демона. В своем докладе я найду и проанализирую тексты и мифологические сюжеты, упоминающие угаллу, а также рассмотрю иконографию, сравню разные изображения угаллу, подробно опишу функции демона и попробую вписать угаллу в возможные классификации сверхъестественных существ.

Актуальность данной темы обусловлена её недостаточной изученностью. Есть работы, посвященные демонам в принципе, но нет работ, посвящённых именно угаллу, особенно в российской историографии. Поскольку это редкость, что мы знаем и изображение, и название демона, то представляется интересным изучить угаллу как можно подробнее.

МИХАИЛ ДЕНИСОВИЧ ЖУРАВЛЕВ. *Троянский миф в фильме «Троя» 2004*

Фильмы про античность – явление, существующее с начала XX века, и насчитывающее огромное количество проектов о различных

героях, периодах и регионах. Более чем столетняя история развития этого направления позволила создать как сравнительно локальные и незаметные фильмы, так и крупномасштабные блокбастеры. К последним можно отнести фильм «Троя» 2004 года. После «Гладиатора», выпущенного в 2001 году и возродившего интерес к античности в американском кинематографе, многие студии задумались о создании крупного проекта, нацеленного на максимально широкую аудиторию. Компания Warner Bros выделила 250 миллионов долларов на создание «Трои», подписала на главные роли известных актёров – Брэда Питта, Эрика Бану и Орландо Блума – и провела съемки на нескольких континентах в надежде снять самый популярный фильм, посвящённый античности. Однако важнейшим оказалось желание продюсеров довериться режиссёру Вольфгангу Петерсену. Именно благодаря ему «Троя» оказалась в первую очередь фильмом о геополитических, социальных и этических проблемах конца XX – начала XXI вв., а не дословной экранизацией «Илиады». Особенно ярко в фильме отразились пацифизм и «вызов» решениям правительства США о начале войны в Ираке. При этом создание такого масштабного фильма, нацеленного на кассовый успех, заставило Петерсена ориентироваться на предпочтения массового зрителя: мифологический архетип героя был адаптирован под американскую культуру, был добавлен классический для кинематографа образ злодея, оцениваемого однозначно отрицательно. В итоге, «Троя» объединила три подхода – опору на сюжет оригинального произведения, авторский взгляд режиссёра и необходимость ориентироваться на массового зрителя. Противоречия, возникшие в процессе смешения этих подходов, и сделали фильм настолько актуальным для изучения.

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАЙЦЕВ. *Когда и как Сагунт стал примером верного союзника в римской литературе?*

Одним из ярчайших эпизодов в поэме Силия Италика «Пуника» является описание осады Сагунта Ганнибалом. Здесь же, едва ли не впервые в поэме, начинают активно действовать боги. Геркулес привлекает богиню Fides для помощи городу, а Юнона повергает его жителей в безумие при помощи фурии Тисифоны. Тема Сагунта как образца верности, как кажется, появляется в римской литературе относительно поздно. По крайней мере, во II в. до н.э. Полибий, ни

сам, ни цитируя своих римских предшественников, не акцентирует внимание на исключительности верности сагунтян союзу с римлянами. Однако уже с I в. до н.э. Сагунт и его граждане постепенно становятся образцом верности и стремления к свободе в римской литературе. Настоящий доклад будет посвящен нескольким вопросам:

1) Когда именно и как Сагунт стал символом верности союзникам в римской литературе?

2) С чем была связана эта трансформация? В этом контексте особенно важно учесть, что падение Сагунта должно было быть для римлян болезненным напоминанием о том, как они не пришли на помощь союзникам.

3) Как именно Силий переосмыслил и дополнил существовавшие в литературе образы?

Ответы на эти вопросы, с одной стороны, могут подкрепить теорию У. Доминика о том, что Силий, как представитель поэзии эпохи Флавиев, переосмысливает исторический опыт Рима с учетом опыта гражданских войн. С другой, рассмотренная проблематика позволит добавить новые наблюдения к старой дискуссии о степени самостоятельности/зависимости Силия от его предшественников и современников.

АННА ОЛЕГОВНА ЗАХАРЧЕНКО. *Конструкция Ab Urbe condita в прозе Саллюстия*

Конструкция *Ab Urbe condita* в латинском языке представляет собой независимый причастный оборот, состоящий из причастия и существительного. Обычно такая конструкция управляется предлогом (чаще всего *post* или *ante*), реже её можно встретить в качестве субъекта или объекта при глаголе. На современные европейские языки оборот переводится с помощью отглагольного существительного с зависимым от него существительным в родительном падеже (“основание города”).

Исследователи до сих пор не пришли к единогласному мнению, является ли конструкция *Ab Urbe condita* изобретением латинского языка, заимствованием из древнегреческого или наследием от общего праязыка. Однако остаётся несомненным, что именно в латыни она получила особенное развитие и распространение. Её можно встретить уже на архаической стадии развития языка в устойчивых выражениях о заходе и восходе солнца, например, в *Leges XII tabularum* и у Плавта:

sol occasus suprema tempestas esto (Tabula I) “пусть заход солнца будет последним сроком”, *ante solem exorientem* (Pl. Bacch. 424) “до восхода солнца”.

Использование конструкции *Ab Urbe condita* в классический период было значительно расширено Цицероном, в сочинениях которого оборот иногда стал включать в себя большее количество зависимых слов: *post delatam ad eum primam illam coniurationem* (Cic. Sull. 81) “после доноса о первом заговоре”.

В исторической прозе Саллюстия чаще всего конструкция *Ab Urbe condita* используется с предлогом *ante*, и такие обороты в основном состоят из трёх слов: *ante Carthaginem deletam* “до разрушения Карфагена” (Sall. Jug. 41, 2), *ante te cognitum* “до встречи с тобой” (Sall. Jug. 110, 2), *ante proelium factum* “до сражения” (Sall. Jug. 21, 3). Можно также встретить конструкцию с предлогами *post* и *ab*: *post conditam urbem Romam* (Sall. Cat. 18,8) “после основания города Рима”, *ab incenso Capitolio* (Sall. Cat. 47, 2) “после пожара на Капитолии”.

Интерес представляют случаи использования Саллюстием конструкции *Ab Urbe condita* с другими предлогами, что может быть рассмотрено как её усложнение и развитие, например: *...ob rem conruptam domi* poenas metuunt (Sall. Jug. 79, 7) “...боялись наказания дома за провал задания”; *inter haec parata atque decreta* (Sall. Cat. 43, 3) “во время подготовки и решения этого”.

Саллюстий особенное внимание уделяет стилистической отделке своей прозы, варьируя способы передачи схожих значений (особенно при длинных перечислениях), иногда используя в этих целях конструкцию *Ab Urbe condita*: *...de paratis incendiis, de caede bonorum, de itinere hostium senatum docet* (Sall. Cat. 48, 4) “...говорит сенату о подготовке поджогов, о резне честных людей, о пути врагов”.

В результате рассмотрения случаев использования Саллюстием конструкции *Ab Urbe condita* мы пришли к выводу, что в основном автор следует уже сложившейся норме её использования во временном значении: с предлогами *ante*, *post*, *ab*. Тем большее внимание привлекают контексты употребления независимого причастного оборота с несвойственными ему до этого предлогами: *de*, *ob*, *inter*. Чаще всего *Ab Urbe condita* у Саллюстия состоит из трёх слов, позиция причастия может варьироваться в тех случаях, когда автор отходит от уже закрепившегося в языке употребления, и это может считаться одним из средств художественной выразительности.

АННА СЕРГЕЕВНА ЗОТОВА. *Мотив тираноборчества в мифе об Оресте и Электре (на материалах трагедий V века до н.э.)*

Древнегреческая драма нередко отражала актуальные политические и социальные проблемы, являвшиеся предметом общественных волнений. Среди таких проблем особое место занимала борьба с тиранией, которая была важнейшей частью политической идеологии Афин классического периода. Одним из сюжетов, где прослеживается мотив борьбы с тиранией, является известный миф об Оресте и Электре, положенный в основу трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида. При проведении сравнительного анализа произведений становится ясно, что важность тираноборчества, ярко подсвеченная в тетралогии «Орестея» Эсхила (458 г. до н.э.), заметно угасает в произведениях Софокла и Еврипида к концу V в. до н.э. Эта проблема уступает место другим темам, нашедшим отражение в мифе. Та же тенденция отмечается исследователями при изучении аттических ваз: с середины V века до н.э. распространенный до этого сюжет убийства тирана Эгисфа почти полностью пропадает из афинской вазописи. Например, А.В. Логинов объясняет данный факт падением актуальности антигиппиевских настроений, сохранившихся до середины V в. до н.э. Важно отметить, что политическая трактовка мифа об Оресте и Электре в аттической трагедии является далеко не очевидным местом в историографии. Например, П. Фингласс в принципе отказывает «Электре» Софокла в политическом содержании. Отметим также, что в недавних диссертации и серии статей Б.М. Никольского, посвященных трактовке трагедий Еврипида, мы не встретим интерпретации «Электры».

АЛЁНА ВАЛЕРЬЕВНА ЗУБАРЕВА. *Похищение и убийство детей ведьмами в древнеримских источниках*

В докладе рассматриваются магические практики, связанные с похищением и убийством детей. Сделана попытка выяснить, в чём заключалась специфика древнеримских представлений об опасных для детей демонических существах, а также об использовании детей в магических целях. Автор ставит следующие вопросы: какие потусторонние силы римляне считали опасными для детей; как именно и с какой целью, согласно этим представлениям, хтонические существа могли навредить ребёнку; на чём основывались подобные

верования, почему они возникали и какие явления могли скрываться за ними? В поисках ответов проанализированы и сопоставлены источники разного типа. Докладчик приходит к ряду выводов, касающихся соотношения народных поверий и художественных образов с действительностью.

Юлия ДЕНИСОВНА ИСМАГИЛОВА. *Формирование образа смерти Валентиниана III в позднеантичной письменной традиции*

Валентиниан III был последним императором из династии Феодосия. Он управлял Западной Римской империей в течение долгих 30 лет, что являлось последними годами относительной стабильности политической ситуации. Смерть Валентиниана III нашла отражение в позднеантичной традиции историописания у большого числа авторов, многие из которых работали в жанре христианской хроники и создавали свои работы в промежутке с середины V до середины VI вв.

В работе посредством сравнительного и текстологического анализа исследуются сохранившиеся сообщения о смерти императора, представленные в следующих произведениях: «Хроника» Проспера Аквитанского, «Галльская хроника 511 г.», «Хроника» Кассиодора, «Хроника» Марцеллина Комита, «Хроника» Виктора Туннунского, «Пасхальная хроника», «Новая история» Зосимы Константинопольского, «Венские фасты», а также «Сказания» или «Фрагментарная история» Приска Панийского. Нами установлены четыре независимые традиции, лежащие в основе сообщений о гибели Валентиниана III, представленных в перечисленных сочинениях. Две из установленных традиций опираются на письменные источники, тогда как другие две основываются на устных преданиях. Последние две берут своё письменное начало из текстов Приска Панийского и Проспера Аквитанского. Первая из двух письменных традиций наблюдается в «Хронике» Идация и, вероятно, в «Галльской хронике 511 г.». Вторая традиция была установлена при наличии общих пассажей в повествовании в Хронике Марцеллина Комита, в «Пасхальной хронике» и в «Хронике» Виктора Туннунского.

В текстах «Хроники» Виктора Туннунского и «Хроники» Кассиодора можно заметить смещение различных традиций. Виктора Туннунский контаминирует устную традицию, отражённую в тексте своего основного источника — Проспера Аквитанского, с элементами

второй письменной традиции. Текст Кассиодора представляет собой сочетание элементов устной традиции, которая была записана Проспером Аквитанским, так как его текст Кассиодор использовал в качестве основного источника, а также материала из первой и второй письменных традиций. Это означает, что Кассиодор объединил в своём произведении как сведения, заимствованные из устной традиции через текст Проспера, так и информацию из двух различных письменных источников, создавая таким образом синтез трёх независимых традиций.

В заключении предпринимается попытка реконструировать исходные сообщения, использованные античными авторами, с целью определить, каким образом письменные традиции передавались через различные тексты. Особое внимание уделяется выявлению путей контаминации устных и письменных источников, а также последовательности их использования в произведениях, анализируемых в данной работе. Кроме того, возникает интересный вопрос о том, каким мог быть автограф письменных традиций, то есть первоначальные тексты, от которых исходили позднейшие интерпретации.

Владислав Алексеевич Конопаткин. *Sui bono: императоры-марионетки V в. Западной Римской империи и их символическая значимость*

В V в. в Западной Римской империи августы нередко становились марионетками в руках могущественных военачальников либо по причине своей политической слабости, либо они оказывались их ставленниками. Историки в течение долгого времени задавались вопросом: почему варварские генералы не принимали сами титул императора. По одной точке зрения – выбор в качестве императора другого лица было результатом компромисса между разными политическими силами. Другие же ученые утверждали, что варварский полководец не мог стать императором, поскольку этот факт бы претил римлянам. Первый довод не убедителен, потому как неясно, в чем выражался компромисс, если иное лицо на императорском «троне» все равно оставалось политически безвольным. Второй довод содержит необъясненную предпосылку, что мнение римлян по вопросу императорства волновало носителей власти, и они могли как-то повлиять на решение о назначении.

Действительно, традиционно, в историографии Западная Римская империя в V в. представлена, как, во многом, неограниченная монархия с обезличенной властью и развитым чиновничьим аппаратом. В таких условиях «общение» императора с основной массой подданных было исключено, а значит, и их возможность влиять на выбор императоров и не соглашаться с ним была тоже исключена. Единственная сила, которая обладала влиянием, – это сенаторская аристократия, но и она после событий 476 г. спокойно отнеслась к необходимости служить германским завоевателям, как служила до того и ставленникам Востока. Тем не менее, императоры, несмотря на отсутствие у них полномочий и полный контроль над государством со стороны аристократии и военачальников, оставались значимым для империи символом, поддержанием значения которого занимались разные политические силы. Рассмотрение специфики этого символа и распространения его в общественной среде позволяет раскрыть причины важности фигуры императора в государстве и римском обществе и ответить на вопрос – зачем лица, более влиятельные, чем император, продолжали формально ему подчиняться?

КИРИЛЛ АЛЕКСЕЕВИЧ КОРЕПАНОВ. *Ранние политические взгляды П. Клодия Пульхра*

П. Клодий Пульхр, плебейский трибун 58 г. до н.э., сыграл одну из главных ролей в бурных событиях накануне гражданской войны, положившей конец Римской республике. В историографии прочно утвердился и продолжает преобладать взгляд на Клодия как на придерживающегося радикальных воззрений демагога, что проецируется на весь его жизненный путь. Это вызвано тем, что источники о юных годах Клодия, когда он находился в начале политического пути, носят тенденциозный характер и транслируют исключительно точку зрения его злейшего врага Цицерона. Все же ряд исследователей выдвигает гипотезу, что до судебного процесса 61 г. до н.э. (об осквернении таинств Доброй Богини) Клодий являлся сторонником «партии» консерваторов. Достоверность всех враждебных сведений эта группа ученых отрицает, возводя их происхождение ко времени кульминации конфликта с Цицероном. Однако аспектам ранней карьеры Клодия до сих пор не было уделено достаточного внимания, что в значительной степени обесценивает

сделанные выводы. Это требует повторного анализа источников о молодом общественном деятеле, будущем трибуне 58 г. до н.э., что позволит выявить исходные политические позиции Клодия и, в том числе, рассмотреть объективные истоки его конфликта с Цицероном, не сводя их исключительно к личностному фактору.

В исследовании мы опирались на просопографический и историко-критический методы, что привело к ряду выводов. На раннем этапе карьеры Клодий являлся сторонником просенатских сил, использовал традиционные пути для построения политической карьеры: задействуя родственные связи, проходя военную службу, посредством судебного обвинения, оказывая услуги кандидату в консулы. По причине противоречий в ранних и поздних сообщениях Цицерона о суде над Катилиной в 65 г. до н.э. утверждение о стоворе Клодия с подсудимым мы склонны признать недостоверным. В нем, на наш взгляд, следует усматривать только свидетельство значительной роли влиятельных сенаторов в формировании коллегии присяжных, благожелательно настроенной к обвиняемому. Кроме того, анализ действий Цицерона и Клодия выявляет ядро истины в словах Плутарха о дружбе и сотрудничестве двух римлян и позволяет наметить точки соприкосновения в политической деятельности. Вследствие этого устоявшийся в нарративной традиции и в историографии взгляд, что в основе конфликта Цицерона и Клодия лежала изначальная склонность последнего к радикальным поступкам и мятежам следует считать ошибочным.

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ КОРШУН. *Каменные склепы Северо-Западного Крыма: хронология и этнокультурная атрибуция*

В большинстве античных некрополей Северо-Западного Крыма были открыты каменные склепы уступчатой конструкции. Вопрос их датировок является дискуссионным, однако в целом ряде случаев (Беляус, Кульчук, Джан-Баба и Калос Лимен) авторы раскопок датируют возведение склепов первой половиной I в. н.э. Все они ограблены ещё в древности, но почти во всех было обнаружено большое количество погребального инвентаря, относящегося к этому времени.

Вполне вероятно, что мы имеем дело с каменными склепами, построенными в I в. н.э. греческими мастерами для представителей позднескифского населения региона. Погребальный обряд и

инвентарь каменных склепов полностью совпадает с синхронными грунтовыми катакомбами.

Большинство исследователей считает, что каменные склепы этой группы были построены греческими мастерами с Боспора. Именно в I в. н.э. там возрождается традиция возведения уступчатых склепов, которые изначально получили распространение в IV–III вв. до н.э. Аналогичные каменные склепы I в. н.э. с уступчатым перекрытием встречаются на некрополе Илурата, Китея, Кыз-Аула, возле кургана Куль-Оба. Вероятно, использование склепов греческой работы говорит о большей степени эллинизации жителей Северо-Западного Крыма в сравнении с другими регионами Крымской Скифии, а также возможным происхождением их с территории Боспора.

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КРАСНОБАЕВ. *Производство простой красноглиняной керамики на Боспоре в VI–II вв. до н.э.*

Керамика является неотъемлемой частью культуры Древнего Мира. Трудно представить себе Древнюю Грецию без амфор, расписных и чернолаковых сосудов, а Древний Рим без сосудов *terra sigillata*.

Существует группа керамики, которая редко попадает в фокус исследования ученых — это простая красноглиняная керамика. Производство этой категории сосудов редко становилось центральной проблемой научных изысканий.

Как правило исследователи концентрировали свое внимание на производстве разных категорий материалов: черепицы, амфор, расписных и лепных сосудов, «мегарских» чаш и лаковой посуды.

Основной упор в докладе будет сделан на проблеме выявления центров производства красноглиняной керамики на Боспоре. В настоящий момент существует две теории, относительно местного керамического производства. Первая заключается в том, что на территории Боспора существовало несколько крупных центров, где изготавливались сосуды, в частности, Пантикапей, Фанагория, Горгиппия, Гермонасса, которые поставляли свою продукцию на другие территории, где локального гончарного производства не было. Вторая теория менее популярна, и утверждает, что если не во всех, то в большинстве городов и поселений Боспора свое собственное гончарное дело было, а население использовало как местную, так и привозную посуду. Опираясь на изучение глин, схем расположения

производственных комплексов и другие критерии можно найти подтверждение второй точки зрения.

ГЛЕБ ЛЕОНИДОВИЧ КРИВОЛАПОВ. *Могут ли пылать горы или о чем пишет Плиний Старший в NH 6.118?*

В 35 главе VI книги «Естественной истории» Плиний Старший сообщает о географии Эфиопии (6.178–197). В § 188 античный географ описывает географические особенности местности, в которой проживает племя пигмеев, а в конце этого параграфа упоминает о «пылающих горах» (*montes ardentis*). Поскольку Плиний локализует эти горы очень условно, одни комментаторы помещают их на побережье Атлантического океана, другие – на побережье Красного моря. Красный цвет этих гор объясняется либо их вулканической активностью, либо особенностью горных пород, из которых они состоят. В докладе высказывается предположение, что это сообщение Плиния может быть связано с распространенной в античности дискуссией (ее передает, например, Страбон в 16.4.20) о происхождении названия Красного моря. Одно из объяснений связывает Красное море с цветом гор, расположенных на его побережье. Плиний мог заимствовать эту версию у одного из своих первоисточников, упоминая в своем сочинении некие абстрактные горы, ставшие основанием для её появления.

ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА КРЮКОВА. *Определение периплической литературы как отдельного жанра*

Доклад посвящён изучению древнегреческого перипла (*περίπλους*) как самостоятельного жанра в рамках древней географии. Периплы выступали не только в роли навигационных справочников, но и в качестве географических трактатов, в которых описывались ландшафты, логистика, этнографические и геопространственные данные. Центральное внимание в исследовании уделено анализу различных типов античной и средневековой навигационной литературы, с акцентом на термин "перипл". Мы рассмотрели его этимологию, историческое развитие и литературные особенности, которые делают эти тексты не только информативными, но и насыщенными с художественной точки зрения. Особо подчёркивается значение периплов для реконструкции древней морской истории, торговли и культурных взаимодействий на примерах регионов Понта

Эвксинского (Чёрного моря) и Эритрейского моря (Красного моря). Новизна исследования заключается в признании периплов как отдельного литературного жанра, несмотря на их недооценённость в научных кругах. В нашем докладе мы предпринимаем попытку продемонстрировать ценность периплов и других трудов малых древнегреческих географов как важных источников историко-географической информации, которые углубляют наше понимание древних торговых путей и межкультурных связей.

КАРИНА СЕРГЕЕВНА ЛАЗАРЕВА. *Образ Ахеменидской империи на почтовых марках Ирана периода правления династии Пехлеви*

Почтовые марки долгое время играли важнейшую политическую и пропагандистскую роль в истории государств XIX-XX веков. В Иране, после прихода к власти династии Пехлеви, историческая пропаганда обратилась к доисламской истории Ирана, воспевая великое прошлое Ахеменидской империи. Выпуски почтовых марок с изображением символики Ахеменидов и исторических памятников ахеменидской эпохи были не просто данью древнему периоду страны, но одним из ярких и запоминающихся способов воздействия как на население государства, так и на создание образа Ирана за пределами страны.

В зарубежной и отечественной историографии данная тема освещена крайне фрагментарно, поэтому предпринятая нами попытка, станет одной из первых по данной проблеме.

В докладе будут проанализированы почтовые выпуски марок Ирана 1925-1979 гг. с ахеменидской иконографией, рассмотрены как визуальная составляющая выпусков, так политический контекст и условия их появления.

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ЛЕБЕДЕВ. *Passio Perpetuae et Felicitatis: сила историографической инерции Vs. сила медленного чтения*

«Страсти свв. Перпетуи и Фелицитаты» (*Passio Perpetuae et Felicitatis*) являются уникальным раннехристианским памятником по многим причинам: необычна и композиция памятника, и наличие в его составе собственноручных текстов двух мучеников (и один из них – единственный дошедший до нас от античности женский автобиографический текст!), и поразительное внимание к женским образам и теме материнства, etc. Неудивительно, что в историографии существует необъятное море работ, посвящённых этому

христианскому мученичеству, и в последние десятилетия оно активно стало пополняться бурными притоками новейшей литературы (чему немало поспособствовало осознание огромного потенциала текста как источника для гендерных исследований).

В докладе хотелось бы остановиться не столько на ряде конкретных проблем, связанных с изучением «Страстей», сколько на общем феномене историографической инерции, которая возникает в условиях сложившейся устойчивой традиции рассмотрения памятника. Эта инерция приводит к тому, что исследователи принимают за аксиому те положения, которые привычно воспроизводятся в наиболее авторитетных исследованиях и критических изданиях текста (от Дж.Э. Робинсона в 1896 г. и К. Ван Бека в 1936 г. до Ж. Ама в 1982 г. и Т. Хеффернана в 2011 г.).

В качестве основных примеров будут рассматриваться три вопроса:

1) структура памятника (почему практически все исследователи «видят» только трёх авторов входящих в состав «Страстей» текстов и не замечают несомненно присутствующего четвёртого и, возможно, ещё и пятого);

2) число мучеников (почему вся традиция исходит из того, что в «Страстях» рассказывается о казни пяти мучеников – четверых юных катехуменов и их наставника, тогда как тщательный анализ текста показывает, что катехуменов было трое);

3) имя главной героини памятника (почему большинство исследователей принимают за данность предложенное во II главе «Страстей», на первый взгляд, вполне прозрачное имя Вибия Перпетуя, не замечая при этом никаких возможных связей героини с существующим в то же самое время в римской Северной Африке влиятельным семейством Перпетуев).

На основе анализа данных вопросов в докладе будет показано, как медленное чтение текста позволяет обнаружить «подводные камни» в сложившихся историографических убеждениях, выявить «неудобную» сложность в понимании конкретных пассажей текста и поставить новые гипотезы для их разъяснения.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ЛЕВИНА. *Химмули: хеттский губернатор по данным переписки из архива Тапигги / Машат-Хёюка*

Архив Машат-Хёюка / Тапигги даёт представление об административном аппарате и организации жизни в городе и провинции Хеттского царства на северо-востоке в середине II тысячелетия до н. э. Одним из наиболее часто упоминаемых чиновников в корпусе является некий Химмуили. Доклад направлен на реконструкцию и уточнение информации о должности и статусе Химмуили, его обязанностях и делах, а также отношениях с современниками. По данным писем и административных текстов архива, а также «Инструкции губернаторам провинций Арнуванды I» (СТН 261) как вспомогательного источника, были выявлены функции Химмуили как губернатора, отмечены города, которые находились под его руководством: Тапигга, Анцилия, Хария, Ханнинкава, Тахасара, Касепура, Капия, Циляпия, Вахсувата. На этих территориях он имел судебные и административные полномочия, в том числе в отношении сельского хозяйства. Химмуили осуществлял также и военные обязанности: в этот период территория Хеттского царства на северо-востоке подвергалась нападкам со стороны племён касков, что влияло на организацию жизни в регионе. Исследование выявило некоторые сведения и о его статусе, уровне образования, личных делах, среди которых судебные разбирательства, хорошие и не очень отношения с другими чиновниками.

ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА МАНАЕВА. *Представления о магах в сочинениях христианских апологетов II в. н.э.*

Доклад посвящен анализу представлений о магах, отраженных в сочинениях христианских писателей II в. н. э. На основе трактата «Апологетик» Тертуллиана, «Первой апологии» Иустина Философа, диалога «Октавий» Марка Минуция Феликса и трактата «Против ересей» Ириней Лионского предлагается рассмотреть особенности рассказа о магах магов в работах, посвященных защите христианской веры от внешней критики и созданных в рамках полемики внутри церкви. Исследование показывает, что христианские писатели достаточно часто обращаются к сюжетам, связанным с магами. Рассматриваемые авторы не только осведомлены о подробностях жизни магов, но и считают необходимым упоминать их для предполагаемой аудитории своих сочинений. В общем ряду при этом выделяется Минуций Феликс, который обращает внимание на благосклонность к христианству мага по имени Состан. Автор

подчеркивает это как уникальную черту Состана, одновременно отмечая, что, хотя в христианском учении осуждалась магия, использование магических практик могло сочетаться с уважительным отношением в христианской общине. Таким образом, христианские писатели II в. н. э. проводят параллели между действиями магов и христианскими чудесами, и даже ищут в числе известных магов союзников для защиты своей веры.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА НАЗАРОВА. *Иконография «восточных соседей»: от античных источников к кино Новейшего времени*

В рамках предстоящего доклада планируется проследить по изобразительным и письменным источникам античного мира этапы формирования и эволюцию иконографии «восточных соседей» в греко-римском наследии. Автор представляет результаты анализа художественных произведений и текстов античных авторов, касающихся внешнего облика и характеристики представителей востока, с которыми взаимодействовал греко-римский мир. В ходе данного исследования поставлены следующие вопросы:

– каковы основные иконографические элементы в изображениях и описаниях мифических и реальных представителей востока в античной традиции (амазонок, аримаспов, персов, фракийцев, парфян, армян и др.)?

– какие из этих элементов имеют исторические прототипы и их существование подтверждено изобразительными источниками Древнего Востока или археологическими данными?

– в каком контексте были созданы примеры визуализации «восточных образов» в античной традиции и где они получили распространение?

– насколько сильным было воздействие античного конструкта «восточного образа» на наследие последующих эпох (в особенности в контексте опыта визуализации образов персов и парфян)?

В настоящей работе особое внимание уделено костюмному комплексу, аксессуарам и предметам вооружения. Также будут рассмотрены результаты влияния наследия Древнего мира на конструирование «восточных образов» в произведениях европейской живописи и мирового кинематографа, связанных с темой взаимодействия или противостояния представителей античного мира и Древнего Востока.

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ НИКИФОРОВ. *Восприятие Лидийского царства: взгляды античных авторов в современной перспективе*

Труды античных авторов («Истории» Геродота и Николая Дамасского) способствовали созданию образа Лидийского царства с его монархической формой правления, напомилавшей устройство власти в Персидской империи, пришедшей на смену Лидии в Малой Азии. Ключевым фактором в отождествлении лидийской и персидской форм правления и, шире, государственное устройство в целом стало противопоставление эллинов варварам. Поэтому деспотизм держав Востока после военного вторжения в Малую Азию Кира и завоевания персами территорий, подвластных Лидии во времена правления Мермнадов, закономерно отразился на понимании греческими писателями прошлого анатолийских стран и государств.

В результате этого восприятие Лидии как царства или в некоторых случаях даже как *империи* закрепилось в историографии (Ж. Раде, А. Пейн и Й. Винтжес, К. Лелу). Такая концепция доминировала до начала XXI века, когда взгляды античных авторов начали постепенно переоцениваться. Так, С. Робинсон (2011) выдвинул предположение, что гегемония Сард не распространялась на соседние территории вплоть до правления Креза, а термин империя не вполне адекватен из-за недолговечности существования лидийского государства. Эта концепция, как представляется, может получить дальнейшее развитие. Так, мы считаем, что описанная античными авторами Лидия была не более чем географическим регионом, не обладающим строгой политической централизацией, трансформировавшимся впоследствии в персидскую сатрапию. При Гигесе, Алиатте и особенно при Крезе Сарды постепенно превратились в главную военно-политическую силу на западе Малой Азии, что стало наиболее ощутимым фактором для греческих полисов региона (Милет, Эфес, Смирна и др.). Тем не менее, лидийские правители, будучи заинтересованы в поддержании хороших отношений с богатыми и процветающими эллинскими городами, фактически создали союз, где каждый полис имел обязательства перед царем Сард как перед своим гегемоном, но при этом оставался свободным на правах договора *ξενία καὶ συμμαχία* в самоуправлении и торговле.

АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА НИКИФОРОВА. *Убийца или защитница? К интерпретации образа Медузы Горгоны (античный образ в женской англоязычной поэзии XX века)*

Образ Медузы Горгоны на всём протяжении культурной истории воспринимался неоднозначно. В искусстве античности Медуза предстает и как защитница (её изображения – горгонеионы – помещались на щиты) и как чудовище. Цель данного исследования заключается в сравнении разнообразных античных рецепций образа Медузы Горгоны и его современной интерпретации.

В драме Эсхила «Прометей прикованный» Горгоны предстают как абсолютное зло, являясь одним из препятствий на пути Ио (Aesch. PV. 798-801). В трагедии Еврипида «Ион» Горгона получает двойственное воплощение: как убийца (ядовитой каплей крови Горгоны Креуса хочет отравить своего сына) и как защитница (вторая капля крови способна исцелять) (Eur. Ion. 1003, 1006-1015). Наконец, в 12-й Пифийской оде Пиндара Медуза получает поэтическое воплощение: Афина «выплетает» прекрасную музыку в честь победителя из стонов Горгон по убитой сестре (Pind. Pyth. XII. 9-10). Позднее образ Медузы всё чаще трактуется сочувственно: уже в «Метаморфозах» Овидия говорится, что Медуза претерпела насилие и вследствие этого была превращена в монстра (Ovid. Met. IV. 795-799 ff).

В XX – XXI вв. с развитием феминистских движений актуальной становится интерпретация мифа о Медузе Горгоне именно как истории об изнасиловании и мести за него. В 1977 г. американская поэтесса Энн Стэнфорд в стихотворении “Medusa” раскрывает миф через оптику самой Медузы. Лирическая героиня от первого лица рассказывает о пережитом насилии, одержимости идеей о мести и последовавшей за этим метаморфозе. В 1985 г. другая американская поэтесса, Эми Клэмпит, в стихотворении с аналогичным названием подчеркивает ужас того факта, что за необузданную похоть насильника расплачивается его жертва. Наиболее современное стихотворение из нашей подборки, “Medusa” Патриции Смит, написанное в 1992 г, отличается от двух предыдущих переворачиванием мотивации персонажей: лирическая героиня снова говорит от первого лица, но уже не об ужасах пережитого насилия, а о собственной страсти к Посейдону и «победе» над ним в храме Афины.

Героиня страдает от проклятья и обвиняет богиню в несправедливости.

Рассмотрев образ Медузы Горгоны в нескольких древнегреческих текстах и текстах Новейшего времени, можно прийти к следующему выводу: помимо собственно эстетической роли, в наши дни миф о Горгоне имеет и важную социальную функцию. Через эту культурную константу получает воплощение различные остросоциальные темы, такие как гендерное неравенство и борьба с насилием по отношению к женщинам.

ВСЕВОЛОД ВИКТОРОВИЧ ОСИПОВ. *Запрет на употребление в пищу свинины в эллинистической и римской Малой Азии*

О существовании религиозного табу на выращивание свиней и употребление в пищу их мяса в некоторых центральных и восточных регионах Анатолии свидетельствуют Страбон (XII. 8. 9), Павсаний (VII. 17. 9) и Юлиан (ор. 5.17), а также некоторые эпиграфические и археологические данные. Этот религиозный запрет был связан с культами Ма, Аттиса, Мена, Кибелы, Агдистис. Античные авторы связывали эти табу с нечистотой свиней или мифологическим сюжетом о гибели божества от клыков кабана. Современные исследователи сходятся во мнении о семитском влиянии как причине появления данных запретов. Хотя сирийское и ассиро-вавилонское влияние на упомянутые культы невозможно отрицать, обращает на себя внимание распространение табу лишь среди части почитателей этих божеств, в основном, вокруг некоторых крупных святилищ (Комана Понтийская, Пессинунт). В то же время, в возникновении табу на употребление в пищу свинины среди семитских народов Восточного Средиземноморья решающую роль, вероятно, сыграли климатические изменения, из-за которых свиноводство стало крайне убыточным. Представляется, что и среди народов Малой Азии этот религиозный запрет прижился в тех местах, где в его пользу (и против активного разведения свиней) играли экологические факторы.

АННА ИВАНОВНА РОГОНОВА. *Особенности обожествления и посмертного существования римских императоров на примере Божественного Клавдия*

13 октября 54 года нашей эры в Палатинском дворце скончался четвертый император Рима Клавдий. Вскоре после этого он был

обожеествен, став Клавдием Божественным – вторым божественным принцепсом после Октавиана Августа. Итак, умер император и появился бог, который, впрочем, не являлся таковым в полном смысле этого слова. Божественные принцепсы не были богами (*dei*), но *divi*, то есть чем-то священным или принадлежащим божеству. Это сложно передаваемое на русский язык терминологическое различие, с одной стороны, отделяло императоров от обычных смертных, а с другой, – от богов, образуя своеобразную отдельную группу. И в этом вопросе Клавдий представляется интереснейшей фигурой для изучения, так как помимо классических нарративных источников, события его посмертного существования освещает памфлет «Апофеоз Божественного Клавдия» или «Апоколокинтосис». Настоящий доклад будет посвящен нескольким вопросам:

- 1) Каковы особенности обожеествления и посмертного существования императора Клавдия?
- 2) Почему Клавдий был обожеествен?
- 3) Как менялся его культ со временем?

В работах, посвященных теме римской религии в целом и отдельным ее аспектам в частности, личность Клавдия, как правило, остается вне центра внимания, в то время как основным объектом исследования часто становится эпоха Октавиана Августа. А в монографиях, посвященных непосредственно Клавдию, финальная точка, как правило, ставится именно на моменте его смерти, что оставляет апофеоз и дальнейший культ как бы за скобками повествования. Между тем, изучение этой темы позволит внести ясность понимания специфики императорского культа, который, в свою очередь, являлся важной частью римской религии.

АНАСТАСИЯ ГАРНЕТ РОМАНЦЕВСКИ. *De raptu Proserpinae* Клавдиана как источник аллегорической поэмы Алана Лилльского *Anticlaudianus de Antirufino*

Anticlaudianus de Antirufino Алана Лилльского является аллегорической поэмой, описывающей создание идеального человека. Она является отсылкой к поэме Клавдиана *In Rufinum*, однако Алан Лилльский мог пользоваться не только этим произведением. Исследователи в комментариях помимо *In Rufinum* упоминают *De Consulatu Stilichonis*. Было высказано предположение, что существуют также параллели с мифологической поэмой *De raptu Proserpinae*.

Хотя это утверждение спорное, однако дает хорошую почву для исследования. Мы представляем более подробную картину параллелей и аллюзий между текстами, благодаря которым становится ясно, что Алан Лилльский пользовался и текстом *De raptu Proserpinae*.

АНАСТАСИЯ ИГОРЕВНА САВЕЛЬЕВА. *Эволюция ювелирных украшений эллинистическо-римского Египта*

В докладе будет рассматриваться эволюция традиционных для Древнего Египта форм и мотивов ювелирных украшений в эллинистический и римский периоды.

Данное исследование является попыткой автора ответить на следующие вопросы:

— Как происходила эволюция форм украшений? Какие из них претерпели наибольшие и наименьшие изменения, а также каков был контекст данных метаморфоз?

— Какова была степень влияния украшений Древней Греции и Рима на древнеегипетские аналоги (323 г. до н.э. — V н.э.)?

Также автор попытается выделить наиболее популярные и характерные виды украшений и типы их декора и рассмотреть контекст их появления и распространения

В качестве источников будут использованы, как подлинные ювелирные украшения, так и их изображения на погребальной утвари (саркофаги, картонажи мумий, Фаюмские портреты), в скульптуре, мелкой пластике.

Владлен Владленович САМОНОВ. *Место и роль Нумидии в гражданских войнах Римской Республики*

Нумидия как главный союзник Рима в Африке потеряла свое значение после разрушения Карфагена в 146 г. (все даты – до н.э.). Вслед за исчезновением Карфагена и образованием новой провинции нужда в существовании сильного нумидийского царства, претендовавшего на ведущую роль в регионе, полностью отпала. Следствием вышесказанного стала Югуртинская война, по итогам которой Рим лишил Нумидию остатков политического могущества.

Преимники Югурты не смели и думать об открытом противостоянии с римлянами. Однако социально-политические противоречия (переросшие в военную конфронтацию) в самом

Вечном городе открыли для нумидийцев новые возможности. В гражданских войнах, захлестнувших Рим в I в., правителям Нумидии пришлось выбирать сторону конфликта, поддерживая одни римские политические группировки в борьбе с другими. В обоих рассматриваемых нами случаях (гражданские войны 88-82 гг. и 49-45 гг.) нумидийские династии поддерживали оптиматов. Ведь в условиях регулярных нападок со стороны популяров, стремившихся улучшить положение народных масс за счёт постепенного поглощения государств-клиентов, правители Нумидии Гиемпсал II и Юба I, исходившие из принципа «враг моего врага – мой друг», сближаются с сенатской олигархией, предоставлявшей им своё покровительство в обмен на разного рода «благодарности».

В историографии сближение оптиматов и нумидийских царей принято воспринимать как саморазумеющийся факт, не требующий подробного анализа. Исследователи, касающиеся в той или иной степени этого исторического сюжета, привыкли использовать в его описании уже ставшие клише, достаточно поверхностные объяснения. Якобы позиция нумидийцев зависела лишь от ситуативной выгоды или же личных предпочтений того или иного царя, но не более того. Кроме того, участие нумидийцев в гражданских войнах, а также эпизоды римско-нумидийских отношений довоенного (до 88 г.) и межвоенного (от 82/1 до 49 гг.) периодов часто рассматриваются исследователями в отрыве друг от друга.

Мы же в свою очередь, полагаем, что все эти эпизоды взаимосвязаны и в совокупности представляют из себя единую внешнеполитическую линию, которой нумидийские цари придерживались в отношении противостояния популяров и оптиматов. Вместе с тем причины сближения правителей Нумидии с оптиматами, по нашему мнению, куда более глубоки чем это принято считать в историографии. Поэтому целями данного исследования являются выдвижение авторских причин образования союза оптиматов и нумидийских царей, а также составление целостной картины римско-нумидийских отношений в первой половине I в.

МГЕР МУШЕГОВИЧ САРУХАНЯН. *Древнемакедонская кухня? Значение и значимость гастрономического аспекта в дихотомии эллин-варвар*

За последние три или четыре десятилетия изучение пропитания и быта в древности получило значительное развитие в сферах

археологии, антропологии, истории и классической филологии. Для древних греков различие между «цивилизованными» людьми и варварами проходило по многим плоскостям, в том числе и в области пищевых привычек. В историографии греко-македонского взаимовосприятия, практически никакого внимания не отводилось этому вопросу, хотя очевидно, что выбор продуктов питания и контекст их потребления — один из самых ярких способов выражения этнокультурной идентичности. Крупные исследователи, такие как Чарльз Эдсон, Эрнст Бэдиан и, в меньшей степени, Юджин Борза исследовали греко-македонские отношения с исторической, экономической или филолого-лингвистической стороны, но не с бытовой-антропологической. В последнее десятилетие вышло несколько работ о македонских пиршественных традициях, но они не уделяют никакого внимания рациону, и также не учитывают большой пласт информации, содержащийся у Афиней. В то же время, для исследователей древнегреческой гастрономии, таких как Эндрю Долби, древняя Македония и её население всё равно оставались периферийны. Данное же исследование призвано соединить эти 'историографические магистрали' и дополнить существующие в науке представления о древнемакедонской гастрономии и о стереотипах, сложившихся вокруг неё.

В работе была поставлена следующая цель — опираясь на доступный круг источников, реконструировать, насколько это возможно, пищевые привычки древних македонян, и оценить их влияние на восприятие этой страны античными греками. Для достижения цели поставлены несколько задач: во-первых, составить перечень основных продуктов питания древних греков и македонян, и во-вторых, выделить сходства и различия в их пищевом поведении.

Материал для исследования отбирался по нескольким критериям. **Источники** должны непосредственно упоминать продукты питания и/или описывать культуру их потребления, т. е. пиры македонян и другие формы приема пищи. За возможным исключением в виде «Застольных писем Гипполоха», все источники имеют внешнее по отношению к Македонии происхождение, написаны спустя продолжительное время после описанных событий (если это нарративная история), и иногда настроены откровенно враждебно. Это не учитывая привычную афиноцентричность дошедших источников. Отдельную сложность представляет источниковедческий

анализ сочинения Афиня, главного гастрономического энциклопедиста античности: не решен вопрос об авторских принципах отбора информации и об изменении смыслов отдельных цитат в контексте сочинения. Весь круг источников жанрово разнообразен и включает в себя широкий спектр текстов от философских и натурфилософских сочинений до комедий и “поваренных книг”, и следовательно, их общая характеристика затруднительна.

По **предварительным результатам** работы можно сказать, что, с одной стороны, македонские пищевые привычки и традиции создавали у *части* образованных греков представление о македонянах как о распущенных и неумеренных людях — это те качества, которые греки традиционно приписывали «варварским» народам. С другой стороны, наибольшее в этом плане сходство с македонянами показывают территориально близкие им фессалийцы, то есть «признанная» часть греческого народа. Это, по моему мнению, подтверждает предположение о произвольности критериев «эллинства» и «варварства», и о ещё большей произвольности в выборе того или иного ярлыка.

Главной же **перспективой исследования** мы считаем открытие придание нового импульса дискуссии о старой проблеме этнокультурной принадлежности древних македонян.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ СЕЛИВАНОВ. *Меч и тога: Цицерон о силе и мире в римском обществе*

Традиционно взгляды на роль оружия в поздней Римской Республике основывались на ограниченном наборе источников, среди которых важное место занимали несколько широко известных отрывков из работ Цицерона. Однако современные историки (Emmelius D.) пересматривают устоявшееся представление о померии как о чёткой границе между гражданской и военной сферами жизни Древнего Рима. Этот пересмотр, основанный на привлечении более широкого круга текстов, ставит под сомнение ранее принятые свидетельства о правилах, связанных с ношением оружия, и указывает на то, что концепция померия, возможно, не отражала реальную практику.

Исследования показывают, что отношение римлян к личному оружию было сложнее, чем считалось раньше. Оно зависело от

ситуации и определялось скорее неформальными понятиями, чем законами.

В свете этих изменений работы Цицерона приобретают особую ценность. Они помогают понять неформальное отношение римлян к оружию в период, когда чётких законов об этом ещё не существовало.

Настоящий доклад будет посвящён нескольким вопросам:

1) При каких обстоятельствах Цицерон полагал вредным использование оружия?

2) Когда требовалось всеобщее вооружение и неиспользование оружия Цицероном осуждалось?

Анализ этих аспектов поможет как выявить дополнительные сведения о политической риторике и подверженности Цицерона внешнему влиянию, так и заглянуть в негласные правила, связанные с насилием и его контролем в римском обществе.

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ СИМАКОВ. *Участие аллоброгов в заговоре Катилины*

Несмотря на то, что труды Цицерона и Саллюстия о событиях 63–62 гг. до н.э., известных как заговор Катилины, неоднократно рассматривались с точки зрения реконструкции политической ситуации в Риме, за пределами серьёзного исследовательского внимания оставался «галльский след». Источники не только подробно рассказывают о попытке заключить союз с племенем аллоброгов, но и называют Галлию одним из потенциально опасных регионов, где велик риск мятежа. Известно, что в 62 г. до н.э. состоялось аллоброгское восстание; таким образом заговор Катилины затронул большую и болезненную для Римской республики проблему.

Речи Цицерона и труд Саллюстия содержат важную информацию об экономической ситуации на юге Трансальпийской Галлии и финансовом положении местного населения в условиях римского господства. В 63 г. до н.э. в Риме находилась вторая (первая прибыла в 69 г. до н.э.) галльская делегация, выражающая протест против высоких налогов и кредитной политики Республики. Мы впервые узнаем о долговой проблеме трансальпийских галлов во время наместничества Марка Фонтя (70-е гг. до н.э.) По мнению автора доклада, долговая проблема галлов непосредственно связана с

событиями Серторианской войны, а конкретнее – с острой потребностью Римской республики в ресурсах для завершения гражданского конфликта. Источники показывают, что ситуация в Трансальпийской Галлии продолжала оставаться тяжелой и десятилетие спустя. Картина, рисуемая Саллюстием, по-видимому, отразила апогей затяжного экономического кризиса (Sall. Cat. XL. 2–4). Жестокая фискальная политика наместников Трансальпийской Галлии (*avaritia magistratuum*) продолжалась долгие годы, негативно сказываясь на социально-экономическом положении местного населения. Свидетельством этого являлись галльские посольства к римскому сенату, вовлеченность аллоброгов в заговор Катилины и, наконец, восстание 62 г. до н.э.

В докладе рассматриваются действия галльских послов в декабре 63 г. до н.э. и делается вывод, что, участвуя в изощренной многоходовой политической игре, аллоброги не могли до конца понять смысл происходящего, и, как следствие, рационально и прагматически выбрать одну из политических группировок Рима.

КСЕНИЯ ЛЕОНИДОВНА СИНЦЕРОВА. *Планировочные структуры сельских домов эллинистической Греции*

В историографии существует мнение, что сельские дома античной Греции имеют много общего с их городскими аналогами: строительные практики и планировочные решения интегрировались в сельскую архитектуру. Это обстоятельство отражает одну из моделей заселения сельской территории, согласно которой некоторые загородные дома – «резиденции» были, по сути, сезонными постройками.

Относительно городской планировки существуют две точки зрения. Согласно первой, доминирующим элементом усадьбы в классическое и эллинистическое время становится внутренний двор (Б. Олт). Согласно второй, напротив, наблюдается его уменьшение (Л. Неветт). По-видимому, в сельской архитектуре некоторые тенденции проявлялись с небольшим отставанием. То же самое касается роли двора в планировке усадеб.

Таким образом, в докладе делается попытка разделить известную на сегодняшний день сельскую архитектуру на несколько групп по принципу планировки: жилые резиденции, сельские усадьбы хозяйственного назначения и отдельно стоящие дома-башни.

Синцерова Ксения Леонидовна
Москва, ИА РАН (аспирантура), Музей Москвы (н.с. научно-
хранительского сектора отдела Археология)

kseniasincerova@gmail.com

+7 909 970 94 61

Науч. рук.: Масленников Александр Александрович, д.и.н., зав.
Отделом полевых исследований ИА РАН

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА СНЕДКОВА. *Принцессы династии Юлиев-Клавдиев как литературные патроны*

В последние десятилетия в исследованиях, посвящённых литературной жизни древнего Рима, широкое распространение получил тезис о так называемом «государственном» патронате (англ. court и state-centred patronage), когда в качестве главного (и единственного) покровителя выступал принцепс. По мнению ряда исследователей, начиная с Августа можно говорить о «литературном патронате нового типа», который вытесняет все остальные формы покровительства в литературной среде (личный патронат, поэтические «кружки»).

Однако при более подробном рассмотрении тезис о всеобъемлющем «государственном» патронате в литературе оказывается очень неоднозначным, когда речь заходит уже о преемниках Августа. Имеющиеся у нас свидетельства о каких-либо благодеяниях, оказываемых императорами династий Юлиев-Клавдиев римским поэтам, показывают, что обратить на себя внимание принцепса было для них большой редкостью и удачей, что усугублялось безразличием самих правителей к установлению взаимоотношений личного патроната по отношению к поэтам. Парадоксально, что внимание на это обращают даже те исследователи, которые объявляют «государственный» патронат единственной формой регулирования социальных взаимоотношений в литературной среде (Г. Уильямс, А. ла Пенна).

Недавно была предпринята попытка вновь пересмотреть этот вопрос. Дж. Фаррел (2020) выдвинул тезис о том, что литературный патронат при Юлиях-Клавдиях продолжал сохранять своё значение, но выражался не традиционным способом – оказание

покровительства поэтам, а в покровительстве «мероприятиям», а также прочим участником литературной жизни древнего Рима (в частности, грамматикам). Исследователь, однако, сосредотачивает своё внимание только на правлении Тиберия.

Сведения о литературном патронате в эпоху Юлиев-Клавдиев очень фрагментарны и рассредоточены по сочинениям античных авторов (оба Сенеки и оба Плиния, Светоний, Тацит и пр.). В докладе, таким образом, будут собраны и проанализированы все примеры деятельности принцепсов Юлиев-Клавдиев, которые можно интерпретировать как литературный патронат, а также представлена оценка этой деятельности и её масштабов.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА СПИРИНА. *К вопросу об учреждении культа Асклепия на Косе*

Значительная часть современных исследователей связывает появление культа Асклепия на Косе с эпидаврийским влиянием, основываясь на соответствующем упоминании у Павсания (Paus. III. 23. 6). Датируется это событие периодом с середины VI по V вв. до н.э.² В качестве дополнительного аргумента приводятся сообщения Плиния и Страбона о том, что Гиппократ обучился медицинскому искусству, читая посвященные таблички в Косском Асклепейоне (Plin. Hist. Nat. XXIX, 2; Strab. XIV. II. 19). Также в исследованиях отмечается, что свидетельствами архаичности культа могут служить надписи о запрете вырубки кипарисовой рощи, принадлежащей Аполлону и Асклепию (IG XII 4, 1, 284; IG XII 4, 1, 283). Данные надписи датировались V в. до н.э., на основании чего также делался вывод о том, что культ Асклепия уже был привнесен сюда, пока, однако, уступая по популярности своему божественному родителю – Аполлону.

Тем не менее, недавние археологические исследования опровергают столь раннюю датировку: вышеуказанные надписи ученые относят к последней четверти IV - началу III в. до н.э.³ Аргумент с Гиппократом также представляется неубедительным, так как первые биографии Гиппократа появляются несколько веков спустя после его смерти.

---

² Riethmüller M. J. Asklepios: Heiligtümer und Kulte, 2005. Vol. 1. P. 209; P. 60; Interdonato E. L'Asklepieion di Kos - Archeologia del Culto / Supplementi e Monograph della Rivista Archeologia Classica. Vol. 12. Rome, 2013. P. 108.

³ Ehrhardt W. Ergebnisse des DFG-Forschungsprojektes zum Asklepieion von Kos in den Jahren 2010–2013: Ein Resümee // Kölner und Bonner Archaeologica. Band 4, 2014. S. 85.

Таким образом, достоверность этой версии (остающейся основной во многих исторических исследованиях по данному вопросу) вызывает сомнения.

Более достоверной представляется версия о позднем основании святилища – уже в IV в. до н.э. В связи с этим любопытно рассмотреть литературное свидетельство древнегреческого поэта Герода, по всей видимости, происходившего с Коса: κῶσκληπιὸς κῶς ἦλθεν ἐνθάδ' ἐκ Τρίκκης, т.е. «и как Асклепий пришел из Трикки» (Herod. Mim. II. 97). Зачастую исследователи достаточно скептически относятся к этому пассажи, оценивая его либо как попытку удревнить культ упоминанием старейшего святилища Асклепия, либо как включение поэтом чисто местной легенды из расчёта на благосклонность косских жителей. Однако нельзя отрицать тот факт, что приблизительно в первой половине III в. до н.э. сами жители Коса – справедливо или ошибочно – полагали, что их культ происходит из Трикки. Сам характер текста Герода направлен на прославление не так давно построенного святилища – вероятно, за несколько десятилетий до описываемого жертвоприношения, т.е. примерно во второй половине IV в. до н.э. Данная версия также находит подтверждение данными археологии и эпиграфики, в т.ч. свидетельствами Lex Sacra из Эрифр.

Таким образом, хотя проблема датировки и остается далека от решения, данная гипотеза имеет перспективы к рассмотрению.

МАРЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА ТЕРЕХОВА. *Лики Гекаты: Развитие образа в античной традиции*

Доклад посвящен облику богини Гекаты, играющей важную роль в представлениях о смерти и лиминальности и выступающей посредницей между богами и людьми. У Гесиода Геката правит судьбой земли и моря, приносит благо, ей вверена забота о детях. Ей отведено свое место и в сюжете о Деметре и Персефоне, в котором Геката приходит на помощь безутешной матери. Хотя «Персееву дочь, нежную духом Гекату» первоначально не связывают с загробным царством, со временем она приобретает хтонические ассоциации, соответствующую атрибутику, функционал и эпитет – и, как следствие, более пугающий, зловещий облик. Именно он закрепится за Гекатой на многие столетия вперед. В докладе анализируется, в какой момент и вследствие каких факторов Гекату стали воспринимать как богиню не благожелательную, но

устрашающую, связанную со смертью, призраками и колдовством. Также представлено сравнение упоминаний Гекаты в текстах и ее визуальных изображений с целью проследить, насколько эти перемены были однородными или же более ранние представления о Гекате продолжали существовать, хотя и в гораздо меньших масштабах и более локально.

АЛЁНА АЛЕКСЕЕВНА ТОПЫЧКАНОВА. *Принципы хеттского судопроизводства по данным дела Уккуры*

Хотя сегодня судебное разбирательство является неотъемлемой частью современного общества, его истоки уходят в глубокую древность. Судопроизводство в своей особой форме существовало и в Хеттском царстве.

В докладе будет рассматриваться и анализироваться протокол судебного заседания по делу Уккуры, одного из хеттских чиновников XIII века до н.э. Работа с данным источником позволяет расширить понимание древних судебных процессов и их влияние на формирование правовых норм и традиции. Так как более ранние исследования по этой теме были проведены зарубежными авторами достаточно давно, нами были пересмотрены и дополнены переводы, а также выводы предыдущих исследователей относительно этого текста с учётом новых данных и возможностей.

В результате, в качестве главной причины разбирательства было выявлено подозрение чиновника Уккуры в хищении царского имущества и отсутствие документов разрешающих распространение этого имущества. Были выделены участники заседания, их роль в судебном процессе, а также их статус. Вместе с тем удалось выяснить, что приватизация вышедших из употребления царских вещей считалась нормой. Из показаний обвиняемых мы узнаем, что такие обстоятельства как болезнь или непреднамеренное деяние могут выступать в качестве оправдания на суде.

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТОРБИН. *Гай (Цильний?) Меценат: к вопросу о его имени у Тацита*

Тацит единожды называет Мецената Cilnius (Ann. VI. 11. 2), из чего в антиковедении возникла традиция считать, что полное имя этого

этруска — Гай Цильний Меценат. Однако в научной литературе есть доводы, опровергающие это мнение:

— Тацит, вероятно, почерпнул сведения о причастности Мецената к Цильниям из письма Августа, которое дошло до нас благодаря Макробию (Sat. II. 4. 12); письмо это, однако, при детальном рассмотрении не позволяет утверждать, что Меценат был из Цильниев.

— Эпиграфические данные не указывают на связь Мецената с Цильниями.

— Мелисс, вольноотпущенник Мецената, носил имя Гай Меценат Мелисс, из чего легко заключить, что Maecenas — это номен Мецената.

— Ошибка Тацита более вероятна, чем молчание всех остальных источников, которые упоминают Мецената только как C. Maecenas.

Из значительных контраргументов можно выделить следующие:

— Еще до начала принципата Августа появилась мода «отбрасывать» свой номен и упоминаться только по когномену. Яркий пример уже эпохи принципата — сам Август и Марк Випсаний Агриппа.

— Этруски, в том числе Меценат, наследовали номен своей матери, а не отца. Так как мать Мецената принадлежала к роду Цильниев, сын унаследовал ее номен.

Однако эти аргументы не имеют большой силы, так как эпиграфические данные все же показывают, что вольноотпущенники Мецената не получали номен Cilnius. Причастность матери Мецената к семье Цильниев также не подтверждается источниками, но создается постфактум. Вероятно, стоит признать ошибку Тацита.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА УЛЬЯНКИНА. *Представления об amicitia (дружба) в письмах Сенеки и Плиния Младшего*

Доклад посвящен смысловому наполнению одной из основных категорий социальной жизни элиты Древнего Рима – amicitia – на примере эпистолярных сочинений Сенеки и Плиния Младшего в их социокультурном контексте (I – нач. II вв. н.э.). В этих письмах, несомненно являвшихся частью литературной традиции своего времени, нашли свое отражение как нравственно-этические представления римского гражданина из высших слоев общества о дружбе, так и реальные коммуникативные практики раннеимперского времени. В репрезентации Сенекой феномена amicitia отчетливо

наблюдаются признаки общего направления трансформаций, позволяющих историку провести условный рубеж между республикой и империей. Так, римлянин, традиционно ориентированный на полисные ценности, политические интересы гражданского коллектива, стал гораздо более погружен в сферу частных, индивидуальных нужд. В таком свете дружба предполагала в первую очередь личную связь, основанную на эмоциональной привязанности и общем досуге. Маркеры изменений в понимании *amicitia* стоит искать в прямо и косвенно транслируемых идеях, важнейшие из которых – доверие, открытость, бескорыстность. В переписке Плиния с его многочисленными адресатами находят отражение схожие принципы и соответствующие практики, что свидетельствует о наличии тенденции к восприятию *amicitia* как эмоциональной связи. Тем не менее специфические черты политического климата середины I и начала II вв. н.э. наложили отпечаток на некоторые особенности риторики и социального поведения элиты. Сенека – человек, отошедший от дел, разочарованный в политической атмосфере современного ему Рима, Плиний, доверенное лицо Траяна, существует в рамках большей институциональной стабильности. Оказавшись в других условиях, Плиний при всей своей ориентированности на стоический идеал ценит практическую политическую деятельность, прагматично используя в ее контексте дружеские контакты и придерживаясь правила «если ты поможешь мне, я помогу тебе».

АНДРЕЙ ДИМИТРИЕВИЧ ХУДЯКОВ. *Проблема пропаганды libertas и идей республиканизма в правление императора Тацита*

Ко 2-й пол. III в. в Римской империи, пережившей пик затяжного кризиса, наметились тенденции к восстановлению сильной верховной власти, которая, наконец, в значительной степени окрепла при Аврелиане. Этот процесс сопровождался энергичной работой на идеологическом уровне, при этом Аврелиан, в отличие от предшественников, окончательно отказался в своей пропаганде от стандартных для эпохи принципата «квазиреспубликанских» и просенатских лозунгов, которые к III в. практически перестали использоваться. Несмотря на то, что упоминание традиционных республиканских добродетелей, интересов сената и народа ещё встречалось на монетах и в надписях, например, Клавдия II Готского,

смысл этих лозунгов, их характер значительно поменялся – теперь только правитель был гарантом побед, мира и благополучия, а не гражданский коллектив или сенат. Наиболее ярко эта трансформация прослеживается при анализе традиционной республиканской аксиологической категории *libertas*, которая в эпоху принципата стала ассоциироваться исключительно с личностью императора.

При изучении непродолжительного правления Марка Клавдия Тацита (275 – 276 гг.) – императора, впервые с 238 г. избранного по большей части именно сенатом – в официальной пропаганде можно наблюдать некоторые противоречивые явления: Тацит, сохранив большинство чисто монархических черт (скорее всего ввиду специфических обстоятельств прихода к власти), возвратил некоторые республиканские элементы, из-за чего в одной из надписей он именуется как «восстановитель истинной свободы» (*verae libertatis auctor*); при этом на монетах легенда *libertas* всё так же остаётся тесно связанной исключительно с персоной августа. Обращают также на себя внимание сведения о попытках императора как можно активнее распространять труды историка Публия Корнелия Тацита, отличавшегося довольно скептическим отношением к системе принципата. И хотя утверждения преемника Аврелиана о родстве с прославленным мыслителем в современной историографии однозначно расцениваются как мнимые, однако сама попытка использовать интеллектуальное наследие великого историка, на деле критиковавшего не только монархию, но и негативно отзывавшегося о республиканском режиме в Риме, позволяет выдвинуть предположение о том, что Тацит попытался отказаться от произведённой предшественником чрезвычайной идеологической концентрации на личности правителя. Хотел он это осуществить без потерь для авторитета императорской власти как таковой с помощью сугубо популистских мер по восстановлению престижа сената и римского народа.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧЕРНЯЕВ. *Новая интерпретация британских культов Марса Тинкуса и Геркулеса Магусануса*

Мой доклад посвящен двум недостаточно изученным культам, зафиксированным в Римской Британии: Марса Тинкуса и Геркулеса Магусануса. Сопоставляя культы, казалось бы, одних и тех же римских божеств, исследователи античной религии уже не первым своим

исследованием доказывают, что под именем разных «Марсов» и «Геркулесов» скрываются разные божества – феномены синкретизма не только религий, но и – шире – культур полиэтнической Империи. Даже в Британии – одной из отдаленнейших провинций – происходило подобное взаимопроникновение культур, как минимум трех: римской, кельтской и германской, - частным примером которого является предмет моего исследования. Для раскрытия темы я обращался к различным островным эпиграфическим источникам – сохранившимся алтарным надписям. Своим исследованием я хотел бы предложить новую интерпретацию прочтения этих религиозных памятников. Данное прочтение исходит не только из элементарных знаний латинской эпиграфики, но и от обращения к областям индоевропейского языкознания (кельтского, германского, латинского и романского) и связанными с ними религиозными данными, что предполагает для моего исследования междисциплинарный статус. Популярный в наше время синтез методов, а также тот факт, что вопросы исследования лежат в области диалектической проблемы романизации-варваризации, подчеркивают актуальность моего доклада.

АННА АНДРЕЕВНА ЧИРАНОВА. *Темпоральность в диалогах Платона (на примере диалогов «Парменид» и «Тимей»)*

В диалоге «Парменид» и «Тимей» темпоральность на понятийном, лексико-семантическом и структурном уровне выражается и реализуется различно. В «Пармениде» категория времени представлена как один из парадоксов единого. в «Тимее» проблема темпоральности в «Тимее» задана, скорее, не как парадокс, но ряд догматических положений, описывающих возникновение времени и связь его с бытием. Для нашего анализа представляется необходимой, в первую очередь, работа с понятиями.

В «Пармениде», в отличие от «Тимея» эксплицитно выражена проблема разграничения вечно сущего и возникшего, становящегося. Работа с понятиями, относящимися к данной проблеме, показала, что говорить о своеобразном (не)противопоставлении глаголов бытия и становления: с одной стороны, они действительно взаимоисключают друг друга, с другой, происходит некоторое смягчение напряжения полюсов («εἶμι» и «γίγνομαι») оппозиции через понятие «το γυν». Анализ «Тимея» на лексико-семантическом уровне выявил, что

семантика глагола «εἶναι» в данном случае, скорее, с атемпоральностью, что сближает его с особенностями времени внутри мифа. Настоящее, согласно такому положению, представляется необусловленным грамматическим временем; вечность явлена в настоящем, настоящее при этом является причиной и условием времени. Таким образом, настоящее можно определить как атемпоральную форму, характеризующую бытие вечного. Вечное характеризуется понятиями *αἰών*, *αἰδιον* и *ἀεὶ*, связанными друг с другом этимологически. Понятие вечности сформулировано темпорально (онтологически она будет сформулирована позже – неоплатоником Плотинем, который определит вечность как «полноту бытия»).

Композиционный и сюжетный анализ так же выявляет различия между выражением темпоральности в двух диалогах: в «Пармениде» и в «Тимее» композиция, очевидно, одинаково важна при работе с анализом темпоральности в данных текстах, поскольку в первом случае это четыре беседы, в которых различным образом трактуется время и его причастность к сущему, в данном случае важен и сюжет, что отмечал Прокл в комментариях к «Пармениду». «Тимей» же отличается асюжетностью, а событийность часто представлена в особой повествовательной форме (миф): темпоральность внутри мифа особая, она даже ближе к атемпоральности, следовательно, внутри мифа, она должна быть проанализирована, учитывая особенности семантического и структурного содержания мифа.

ВАЛЕРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА ШИШЕЛОВА. *Конец античного мира по данным нумизматики: внешние признаки медиевизации монет*

На текущий момент не существует единого мнения, в какой момент заканчивается история античного монетного дела и начинается история византийского. Традиционно в качестве такого «водораздела» рассматривается реформа Анастасия I (491-517)⁴. Известно оригинальное мнение о начале византийской монетной системы со времени Аркадия (395-408)⁵. В последние десятилетия стало встречаться и убеждение, что византийскими являлись уже

---

⁴ Зограф А.Н. Античные монеты. М.-Л., 1955. С. 55. Grierson Ph. Byzantine coinage. Washington 1999. P. 2; Hahn W. Moneta Imperii Byzantini. Band I: von Anastasius I bis Justinianus I (491-565). Wien, 1973. S. 31. Sear D. Byzantine coins and their values (2nd edition). London, 2008. P. 8.

⁵ Толстой И.И. Византийские монеты. Выпуск 1. СПб, 1912. С. 1.

монеты Константина Великого (306-337)⁶. Указанные предложения основаны на общих соображениях (кардинальные перемены при Константине I, раздел империи Феодосием Старшим) или ключевых событиях экономической истории (реформа Анастасия I). При всём этом до сих пор не сформулированы внешние признаки медиевизации самих античных монет, что заставляет снова возвращаться к исследуемому вопросу. Предлагаются следующие критерии медиевизации: 1) понижение рельефа изображений относительно поля монеты; 2) разворот перспективы портрета императора или члена императорского дома на аверсе от профиля к полуанфасу и анфасу; 3) стандартизация типа реверса; 4) уплощение монетной заготовки (прежде всего, для монет из драгоценных металлов); 5) распространение технологического приёма, при котором заготовка для монеты вырубалась или вырезалась из листа металла, а не отливалась в отдельной форме. Указанные признаки развивались постепенно с кон. III по сер. V вв. При этом некоторые античные черты, прежде всего, в сюжетах и элементах изображений, продолжали сохраняться ещё долгое время. Таким образом, можно говорить о наличии в монетном деле довольно длительного переходного периода. Следует отметить, что данное обстоятельство хорошо укладывается в концепцию поздней античности, предполагающей постепенную трансформацию всех сфер общественной жизни.

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЩЕГЛОВ. *Визуальное и текстуальное в античной географии: неожиданные переключки между сведениями Страбона и Птолемея*

Страбон и Птолемей – создатели двух важнейших географических трудов античности и вместе с тем представители противоположных направлений географии: описательного и математического. Труд Страбона – это полнокровное литературное произведение, а труд Птолемея – по сути, «цифровая» карта. Один представляет географию в форме пространных описаний, другой – в максимально сухой и строгой форме геометрических фигур. Соотношение между этими двумя составляющими античной географии – текстуальной

---

⁶ Brubaker L. The Gender of Money: Byzantine Empresses on Coins (324–802) // *Gender & History*. – 2002. – Vol. 12(3). P. 572.

описательной и визуальной картографической – одна из активно обсуждаемых тем в современных исследованиях. Между тем, по общему мнению исследователей, ни у Птолемея не выявляется следов знакомства с трудом Страбона, ни у Страбона – явных следов использования карт (хотя карты он упоминает).

В данном докладе рассматриваются ряд ранее ещё никем не отмечавшихся параллелей между сведениями Страбона и Птолемея, притом настолько показательных, что объяснить их можно, только предположив наличие, как минимум, общего источника в их основе. В частности, рассматриваются параллели между сведениями о Крымском полуострове и прилегающих областях (Керкинитский залив и Керченский пролив), а также о южной части Балканского полуострова. Сопоставление этих сведений позволяет объяснить некоторые несуразности и ошибки в изображении рассматриваемых областей на карте Птолемея.